ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

АВГУСТЪ, 1914 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ

ВОСПОМИНАНІЯ И ДНЕВНИКИ РУССКИХЪ ЖЕНЩИНЪ [1].

ЗА ПОСЛѢДНІЕ годы женскимъ воспоминаніямъ и дневникамъ очень посчастливилось: ихъ тщательно издаютъ и вновь переиздаютъ печатавшіеся ранѣе, снабжаютъ примѣчаніями и біографическими очерками. Они весьма различны по характеру изложенія, по положенію и личнымъ особенностямъ мемуаристокъ, но всѣ они, даже независимо отъ значительности описываемыхъ событій и бытовыхъ явленій, важны и интересны и для изслѣдователей русской старины и для читателей. Цѣнность историческихъ документовъ интимнаго характера, дневниковъ, воспоминаній, писемъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они служатъ отраженіемъ духовной жизни, процесса мышленія, взглядовъ и убѣжденій, всей психологіи людей былыхъ временъ; предлагаемые документы интересны еще и тѣмъ, что являются продуктомъ умственной работы, наблюденій и переживаній женщинъ,—сознательнаго отношенія къ жизни и ея явленіямъ представительницъ той части общества, о которыхъ другіе историческіе матеріалы, общаго и офиціальнаго характера, говорятъ сравнительно немного. Они часто вскрываютъ стороны жизни, которыхъ не касались другіе современники, съ особыми оттѣнками рисуютъ ея проявленія и даютъ особенно важный незамѣнимый матеріалъ для наблюденія за духовнымъ ростомъ женской личности.

[1]) Читано въ историческомъ обществѣ при спб. университетѣ 19 марта 1914 г

Записки княгини Наталіи Долгоруковой (р. 1714 г., ум. 1771 г.), издававшіяся не разъ съ 1810 г., использованныя историками и вдохновлявшія поэтовъ, появились вновь въ двухъ изданіяхъ. Первое дешевое выпущено Н. Усовымъ въ 1912 году съ нѣсколько наивными нравоучительными цѣлями, какъ завѣтъ мудрыхъ предковъ нынѣшнему поколѣнію; оно воспроизведено по старымъ изданіямъ, снабжено примѣчаніями и популярнымъ біографическимъ очеркомъ. Въ 1913 году общество любителей древней письменности роскошно напечатало подлинный текстъ драгоцѣннаго фамильнаго документа «Своеручныя записки кн. Н. Б. Долгорукой, дочери г. фельдмаршала гр. Б. П. Шереметева», съ сохраненіемъ правописанія подлинника, безъ примѣчаній и предисловія. Наталья Борисовна—одна изъ первыхъ русскихъ женщинъ, получившихъ европейское воспитаніе, была истинной аристократкой въ лучшемъ смыслѣ слова; рыцарское: «Fais ce que dois, advienne que pourra» могло быть ея девизомъ. Ея личность и записки могутъ служить опроверженіемъ темной славы поведенія женщинъ высшаго класса ея времени. Круглая сирота съ четырнадцати лѣтъ, она сократила свои выѣзды, соблюдая честь своего имени. «Тогда очень соблюдали честь,—пишетъ она:—въ свѣтѣ очень примѣчали поступки знатныхъ или молодыхъ дѣвушекъ... Я свою молодость плѣнила разумомъ, удержала на время свои желанія въ разсужденіи о томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію, заранѣе пріучала себя къ скукѣ». Страстная единственная любовь къ фавориту и будущему шурину Петра II, кн. И. А. Долгорукому, сильно развитое чувство чести и нравственнаго долга сдѣлались содержаніемъ всей ея жизни. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны родные требовали, чтобы она отказала жениху, которому грозила бѣдственная участь падшихъ фаворитовъ. Но дочь боярина Шереметева, презиравшаго фаворитизмъ въ лицѣ Меншикова, назвала эти увѣщанія «безсовѣстными». «Честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда сталъ несчастливъ, отказать ему?» И Наталья Борисовна ушла за нимъ въ страшную ссылку. Она писала свои записки въ 1767 году въ Кіевѣ уже монахиней, передъ принятіемъ схимы, исполняя желаніе дѣтей, и успѣла довести ихъ только до пріѣзда въ Березовъ. А въ душѣ ея еще горѣло глубокое чувство къ погибшему мужу, и, лаская маленькаго внука, будущаго писателя, она шептала ему: «Ванюшка, чье ты имя носишь?» Нравственный обликъ мемуаристки, его духовная красота придаютъ особый поэтическій колоритъ ея описаніямъ; искренни и естественны ея горе и ужасъ передъ смертью юнаго императора, передъ церемоніаломъ его погребенія, напоминая о громадномъ значеніи событія, грозившаго неисчислимыми послѣдствіями для Россіи. Глубоко трогательно описаніе ея печальнаго вѣнчанія въ усадьбѣ Долгорукихъ, куда никто изъ ея семьи не поѣхалъ, боясь опалы.

Слѣдуя хронологическому порядку, перейду къ воспоминаніямъ Анны Евдокимовны Лабзиной [1]) (р. 1758 г., ум. 1828 г.), этой трогательной русской Гризельды, если только романтическое прозваніе подходитъ къ женщинѣ съ такимъ энергичнымъ мужественнымъ лицомъ, съ выраженіемъ даже нѣсколько надменнымъ, если судить по ея прекрасному бюсту. Лабзина пока едва ли не единственная русская мемуаристка, оставившая воспоминанія о жизни и впечатлѣніяхъ тринадцатилѣтней замужней женщины, прекрасное дополненіе къ лучшимъ описаніямъ уродливыхъ сторонъ стариннаго брака въ запискахъ Болотова. На протяженіи ста лѣтъ среди трехъ поколѣній Болотовъ отмѣчалъ брачные союзы, заключаемые ради близости деревенекъ, иза-за пророческихъ сновъ, гаданій и по другимъ страннымъ комбинаціямъ. Его отецъ, онъ самъ, писатель подъ тридцать лѣтъ, его дѣти, вступая въ бракъ, соблюдали порядки временъ теремовъ и фаты. Женѣ Болотова было тоже едва тринадцать лѣтъ, когда ее вѣнчали. Писатель волновался, страдалъ душевно передъ очевиднымъ безсмыслiемъ такого начала семейной жизни; однако уже дѣдомъ могъ только плакать надъ участью своихъ младшихъ дочерей, отъ горькаго сознанія своего безсилія въ борьбѣ съ устойчивыми порядками семейнаго уклада жизни. Очень трогательна у него сцена рукобитья отца съ дочерью въ знакъ того, что она своею волею идетъ замужъ за непріятнаго всей ея семьѣ человѣка и не будетъ пенять на отца.

Мудрено ли поэтому, что больная, безпомощная вдова Яковлева, замѣчательная благотворительница, оказалась немилостивой къ тринадцатилѣтней дочери, поспѣшивъ пристроить ее, ошеломленную и запуганную, за незнакомаго ей претендента. При всей обычности явленія, такая доля особенно тяжело отозвалась на мемуаристкѣ, наградивъ ее, мужемъ вольтерьянцемъ-сенсуалистомъ, который открыто мучилъ и унижалъ ребенка-жену передъ другими сожительницами; съ особымъ наслажденіемъ онъ дѣлалъ ее свидѣтельницей отвратительныхъ сценъ распутства; запиралъ, въ полосѣ буйнаго разгула, билъ ее раздѣтую выгонялъ изъ дому.

Анна Евдокимовна успѣла получить дома суровое спартанское воспитаніе, закалившее ея здоровье и волю. Глубоко-религіозная и гордо-нравственная, она выносила обращеніе развратника безъ жалобъ, какъ нравственный долгъ; признавала, что Карамышевъ все-таки любилъ и цѣнилъ ее по-своему. Ни въ первомъ, ни во второмъ бракѣ она не допускала возможности дурно отзываться о мужѣ; но это не помѣшало ей послѣ смерти перваго

---

[1]) «Воспоминанія А. Е. Лабзиной». 1914 г. Книгоизд. «Огни». Впервые печатались въ «Русской Старинѣ», 1903 г.

мужа увѣковѣчить его въ своихъ запискахъ въ довольно непривлекательномъ видѣ.

Ученый, талантливый спеціалистъ, умный дѣлецъ и труженикъ, горновѣдъ Карамышевъ—интересный представитель того типа русскихъ западниковъ, которые, овладѣвъ за границей солидными знаніями и дѣловой техникой, совсѣмъ не справились съ соціальной и этической сторонами европейской культуры; въ его личной жизни царила полная распущенность рядомъ съ непониманіемъ человѣческаго достоинства ни въ себѣ, ни въ ближнихъ. Въ его поведеніи не было выдержки; онъ то скрываетъ свои похожденія, то наказываетъ жену циничной откровенностью, внушаетъ ей, что чувства свободны, требуетъ, чтобы она слѣдовала его примѣру и выбирала любовниковъ. Начальники и энергичные люди могли припугнуть Карамышева, сдерживать его, но не надолго. Богатые баре подобнаго воспитанія и душевнаго склада часто не обзаводились законными семьями, довольствуясь крѣпостными и случайными связями; таковы братья Яковлевы съ отцомъ Герцена.

Очень интересна дружба шестнадцатилѣтней Карамышевой за время ея перваго пребыванія въ Петербургѣ съ супругами Херасковыми, которые ею очень заинтересовались; они направили ее на путь самообразованія въ духѣ той раціоналистической морали XVIII вѣка, какую проводилъ Херасковъ въ своихъ журналахъ ранѣе увлеченія масонствомъ. Этотъ писатель, извѣстный покровитель молодежи, такъ серьезно взялся за воспитаніе молодой женщины, что оно стало ей въ тягость —хоть покидай друзей,— говоритъ она въ воспоминаніяхъ. Вѣроятно, тутъ проявилась та безпощадная требовательная строгость, съ которой старшіе находили тогда нужнымъ обращаться съ младшими. Сама мемуаристка, въ свою очередь, не мало мучила своихъ воспитанницъ такими же нравоучительными пріемами.

Лабзина писала свои воспоминанія лѣтъ пятидесяти, уже страстной масонкой, и на нихъ отразился колоритъ христіанско-мистическихъ воззрѣній, но сохранилась и примѣсь раціоналистической морали болѣе ранней поры. Съ горячимъ піэтетомъ къ памяти матери она рисуетъ ея подвиги милосердія въ тюрьмахъ надъ заключенными, ея уходъ за больными, заботу о бѣднякахъ, все то, чему она сама подражала, живя въ Сибири; это подвиги Юліаніи Лазаревской, но безъ ея задушевной непосредственности.

Твердый нравственный закалъ Анны Евдокимовны далъ ей силы не поддаваться вліянію Карамышева, а природный умъ и тактъ помогли, укрѣпившись на позиціи кроткаго претерпѣванія и непротивленія злу, привлекать общія симпатіи, находить всюду друзей и благодѣтелей; одинъ изъ нихъ такъ плѣнился ея умной выдержкой, что подарилъ ей домъ съ садомъ.

Послѣ смерти Карамышева много испытавшая жена вольтерьянца стала счастливой въ любви женой молодого, но уже виднаго масона Лабзина, и духовныя силы ея расцвѣли; Анна Евдокимовна сумѣла сдѣлаться своего рода общественной дѣятельницей своего времени. Начитанная и ранѣе въ масонской литературѣ, способная, всегда энергичная, она оказала большія услуги организаціи ложи мужа «Умирающій Сфинксъ», усердно помогала ему въ изданіи «Сіонскаго Вѣстника» и получила большое вліяніе и вѣсъ среди масонскихъ кружковъ. Приложенный къ «Воспоминаніямъ» ея «Дневникъ» за 1818 г. касается внутренней жизни масонскаго кружка передъ закрытіемъ ложъ. Въ немъ отражаются волненія и скорбь Лабзиной въ виду броженія среди братьевъ ея ложи и ихъ разлада съ вождемъ, ея мужемъ; въ мемуаристкѣ чувствуется личность болѣе сильная и твердая, съ большимъ вліяніемъ, чѣмъ ея болѣзненный и нетактичный мужъ.

Анна Евдокимовна поглощена работой и надъ своимъ внутреннимъ міромъ и надъ умиротвореніемъ заблуждающихся, по ея мнѣнію, братьевъ. Ея положеніе почетно и значительно, но матеріальныя и кружковыя заботы одолѣваютъ ее. Исключительный почетъ—допущеніе ея, женщины, на масонскія собранія—порождалъ, повидимому, раздраженіе среди другихъ женщинъ, близкихъ къ масонамъ, прежде всего въ умной, способной А. П. Хвостовой, видной сотрудницѣ карамзинскихъ журналовъ, чьи статейки переводились даже на иностранные яыки. И Лабзина, по временамъ, рѣзко отзывается о хитрости и притворствѣ женщинъ, въ минуты раздраженія не щадя и себя въ своей разсчитанной тактичности.

Ссылка Лабзиныхъ въ Симбирскую губернію и послѣдніе годы жизни Анны Евдокимовны описаны ея воспитанницей Лайке вичъ («Русская Старина» 1905 г.).

Сабанѣева, Екатерина Алексѣевна (р. 1829 г., ум. 1889 г.), писала свои «Воспоминанія о быломъ» [1]) подъ старость, по семейнымъ преданіямъ, письмамъ родственниковъ и разсказамъ своей матери, урожденной княжны Оболенской, и довела свою семейную хронику только до замужества послѣдней около 1827 г. Записки мемуаристки о своей собственной жизни, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не найдены. Воспоминанія составлены хорошо, вполнѣ литературно, мѣстами даже художественно написаны и даютъ прекрасный матеріалъ для историческаго чтенія. Иныя сценки изъ жизни дворянскихъ семей двадцатыхъ годовъ XIX вѣка по своей яркости напоминаютъ страницы изъ первыхъ главъ «Войны и Мира» Толстого. Послѣ введенія, касающагося историческаго прошлаго

[1]) Книгоизд. «Огни» 1914 г. Ранѣе въ «Истор. Вѣстн.» 1900 г.

Калужской губерніи, Сабанѣева сообщаетъ почти «апокрифическій разсказъ» о предкахъ XVIII вѣка; среди нихъ выдѣляется прадѣдъ Прончищевъ, жестокій помѣщикъ, тиранъ семьи и крѣпостныхъ, доведшій свою жену до сумасшествія, а рядомъ съ нимъ интересна его младшая дочь, бойкая и смѣлая, даже съ отцомъ, дѣвица, пожертвовавшая свою молодость уходу за матерью, позже создавшая себѣ очень почетное положеніе въ Москвѣ, какъ воспитательница своихъ племянниковъ, князей Несвицкихъ.

Далѣе она мастерски очерчиваетъ цѣлую галерею силуэтовъ очень характерныхъ для того времени лицъ отъ представителей московской знати до крѣпостной прислуги, рисуетъ картинки семейныхъ отношеній, воспитанія, свѣтскихъ пріемовъ, волновавшихъ всю Москву баловъ. Тутъ и Прасковья Юрьевна Кологривова (Татьяна Юрьевна у Грибоѣдова), которая за вольное обращеніе дала пощечину самому Потемкину. Очень выпукло вырисовывается grande-tante мемуаристки, тонкая, мягко выдержанная на этикетѣ фрейлина Кашкина, по придворному чину лицо очень важное въ Москвѣ, воспитательница дѣтей вдовца кн. Оболенскаго. Записки вводятъ читателя въ интимную жизнь добропородной дворянской семьи стараго уклада съ выдающимся по нравственнымъ качествамъ отцомъ; и все-таки эта семья воспитываетъ удивительные контрасты: старшій сынъ—грубый, жестокій крѣпостникъ, котораго отецъ стыдился; этотъ человѣкъ старины, нашелъ подходящую жену въ богачкѣ, воспитанной въ глухой провинціи, удивившей Москву привычками боярышни XVII вѣка, огромной свитой мамушекъ, карлицъ, казачковъ и гайдуковъ въ русскихъ допетровскихъ нарядахъ, которая шествовала за ней въ пріемныя знати и выстраивалась передъ повелительницей. Слѣдующая дочь, по мужу Леонтьева, знатокъ иностранной литературы, такъ владѣла тремя языками, что въ домѣ обходились безъ лексикона, сама могла учить дѣтей, читала отцовъ церкви, соблюдала всѣ посты, а въ деревнѣ собственноручно прививала оспу, выхаживала больныхъ крестьянъ и почиталась всей округой. Средній братъ, видный декабристъ кн. Евгеній Петровичъ Оболенскій, уже захваченъ политическими ученіями и новыми идеями вѣка. Вся семья, отецъ, родные горячо любили его; для всѣхъ онъ былъ совѣтникомъ и авторитетомъ. Сестры повѣряли ему свои сердечныя тайны, какъ матери. Родные и близкіе семьи поручали его опекѣ юныхъ офицеровъ, отсылаемыхъ на службу въ Петербургъ. Вся семья живо чувствовала его горе, когда онъ счелъ долгомъ выйти на дуэль вмѣсто одного изъ этихъ юнцовъ, единственнаго сына матери, и имѣлъ несчастье убить противника. Это страшно потрясло Евгенія Петровича; даже среди веселаго общества онъ вдругъ терялся, притихалъ и сидѣлъ въ оцѣпенѣніи, подъ давленіемъ тяжкаго кошмара.

Однако эта выдающаяся личность обрисована въ воспоминаніяхъ сквозь какую-то дымку; о кн. Евгеніи разсказано, сравнительно, немного. О событіи 14-го декабря, о судѣ надъ любимымъ родственникомъ записки совсѣмъ умалчиваютъ. Мать Сабанѣевой не любила говорить объ этихъ событіяхъ; ей было тяжело вспоминать ихъ. Эта скупость свѣдѣній отчасти понятна: многія дворянскія семьи того времени или не разбирались въ значеніи событія или не рѣшались выражать сочувствія роднымъ декабристамъ; оно явилось бы не только осужденіемъ правящихъ лицъ, но такъ или иначе—самого строя жизни того времени; а сама мемуаристка не скрываетъ своихъ симпатій къ доброй старинѣ. Между тѣмъ милый старый князь почти замкнулся въ своихъ покояхъ. Сестры-княжны нравственно выросли и даже постарѣли за тяжелый годъ. Пошатнулось служебное положеніе младшихъ братьевъ, а съ нимъ и финансы семьи. Сестры приняли у отца счета, книги и всю дѣловую переписку по имѣніямъ. Образъ любимаго брата-каторжника въ кандалахъ тревожилъ всѣхъ; но темпъ свѣтской жизни ни на іоту не измѣнился. Тетка-фрейлина не позволяла отказываться ни отъ одного приглашенія. Еще подавленныя своей семейной драмой, княжны выполняли, какъ службу, свои свѣтскія обязанности, до истомы и притупленія разъѣзжали по баламъ и спектаклямъ... «И все дѣло по дѣлу, и все, какъ слѣдуетъ», заканчиваетъ Сабанѣева красивую картинку прощанья съ семьей и отъѣзда своей матери новобрачной.

Это тяжелое переживаніе трагическаго событія, самопожертвованія брата и гибели обаятельной личности среди обычнаго теченія домашней и общественной жизни—«по порядку и по хорошему» придаетъ особый интересъ послѣдней главѣ книги Сабанѣевой. То же самое происходило тогда во многихъ дворянскихъ семьяхъ.

Передъ нами «Записки» [1]) кн. Маріи Волконской (р. около 1806 г., ум. 1863 г.), драгоцѣнный памятникъ огромнаго поворота въ политическомъ сознаніи русскаго общества. «Твой высокій станъ встаетъ предо мной, какъ высокая мысль... Я слышала твои пѣсни; онѣ еще звучатъ, онѣ никогда не смолкнутъ, ибо твои рѣчи, твоя молодость, твой взоръ имѣютъ звуки, раздающіеся въ будущемъ». Такъ напутствовала отъѣзжающую въ Сибирь родственницу поэтесса Зинаида Волконская, и ея пророчество сбылось: люди будущаго все съ большимъ и большимъ вниманіемъ прислушиваются къ голосу жены декабриста; прекрасное, недавно вышедшее съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Щеголевымъ, изданіе записокъ уже разошлось; готовится новое, гдѣ

[1]) Книгоизд. «Прометей» 1914 г. Было два изданія кн. М. Р. Волконскаго 1904 и 1906 годовъ.

впервые появятся письма Волконской къ женамъ и невѣстамъ узниковъ съ призывомъ ѣхать къ нимъ въ Сибирь. Читая небольшую книжку, сожалѣешь, что такъ немного осталось отъ переживаній и воспоминаній удивительной женщины; но понятна и эта краткость, горделивая сдержанность въ памятникѣ, предназначенномъ для дѣтей; она придаетъ ея рѣчи особую внушительность, усиливаетъ впечатлѣніе. И дивуешься, какой силой интуиціи въ женщинѣ, выросшей на далекой окраинѣ Европы, съ такой ясной простотой воплощалась идея—сила ея вѣка, когда эти идеи едва зарождались въ ея культурныхъ центрахъ? Только послѣ переворота во Франціи 1830 года сенъ-симонистки начали свою пропаганду о высшемъ назначеніи женщинъ и, заразивъ ею болѣе умѣренные круги, учили вмѣстѣ съ ними, что женщины, и достигнувъ равноправія, останутся лучшими вдохновительницами борющихся, утѣшительницами скорбящихъ, униженныхъ и страдающихъ; онѣ отмѣнятъ жестокія кары, помогутъ улучшить жизнь трудящихся, устранятъ ужасы бѣдности, поведутъ людей къ общему братству. Съ менѣе героическими, но болѣе реальными, живыми чертами женскій идеалъ отразился въ литературныхъ типахъ, особенно въ «Консуэло» Ж. Зандъ, чаровницы, которая всѣхъ вдохновляетъ и просвѣщаетъ вокругъ себя. Такими «Консуэло» avant la lettre явились сѣверянки съ болѣе сложной и богатой психологіей,—жены декабристовъ съ Маріей Волконской во главѣ.

Она первая изъ нашихъ мемуаристокъ оставила воспоминанія съ политическими настроеніями; ни Наталья Долгорукая, ни честолюбивая участница переворота 1762 года кн. Дашкова не проявляли ихъ. Сочувствіемъ къ идеаламъ декабристовъ, благоговѣніемъ къ ихъ самопожертвованію проникнуты страницы ея записокъ, и горделиво звучатъ ея слова, что декабристы первые проявили чистый, безкорыстный патріотизмъ, тогда какъ ранѣе участники дворцовыхъ заговоровъ извлекали изъ нихъ только личную выгоду.

Рецензентъ «Современника» отрицаетъ у Волконской сочувствіе къ политическому движенію; она будто бы понимала только этическую сторону личнаго подвига декабристовъ и имъ восторгалась. Но въ ея время въ соціально-политическихъ ученіяхъ вообще, а въ дѣятельности декабристовъ особенно этическіе факторы играли большую роль, и нельзя выдѣлять ихъ по современному въ особую категорію міропониманія. Понятно поэтому, что, благодаря неправильной точкѣ зрѣнія, рецензентъ вынужденъ считать загадочной психологію княгини.

Мы всѣ—дѣти 1812 г. и привыкли жертвовать всѣмъ для родины,—говорили декабристы. Такой же дочерью великой эпохи выросла и Волконская; она не только человѣкъ семейнаго долга,

она съ удивительной чуткостью постигла, что такое служеніе идеѣ, борьба за право, за право личности на свою долю свободы и счастья. Въ своемъ порывѣ къ служенію и борьбѣ она оторвалась отъ современной жизни, чтобы «жить въ мірѣ, созданномъ ею самой», какъ проникновенно замѣтилъ юноша Веневитиновъ. Въ этомъ мірѣ она находила силы для освобожденія жертвъ несчастнаго порядка и героевъ самопожертвованія. Ярки и глубоко прочувствованы ея описанія проводовъ Корниловича, заботъ о Сухиновѣ, который вопреки волѣ товарищей, готовилъ возстаніе каторжанъ и кончилъ самоубійствомъ. «Мужъ велѣлъ мнѣ пойти къ нимъ, помочь имъ, постараться успокоить Сухинова», поясняетъ она свое вмѣшательство въ отношенія людей, связанныхъ клятвой политическаго заговора. Ужасна картина казни каторжанъ и колѣнопреклоненія коменданта на ихъ могилахъ, и молодо-радостно ея восторженное участіе въ бурномъ ликованіи декабристовъ при извѣстіи объ іюльской революціи, изумившемъ ничего не понимавшихъ часовыхъ. «Но вѣдь это понятно: они ничего не смыслили въ политикѣ», писала Волконская.

Всегда на сторожѣ, какъ на службѣ, одѣтая, какъ столичная дама («мы не должны смѣть распускаться», внушала она другимъ женамъ), княгиня готова встрѣтить любого начальника, защищать, внушать, настаивать, требовать. Надменная съ высшими чинами, она бросается на колѣни передъ мужемъ и его товарищами, когда нужно напомнить о «гордомъ терпѣніи».

Ее глубоко трогала участь уголовныхъ каторжниковъ; она подолгу сидѣла близъ ихъ тюрьмы, бесѣдуя и занимая героевъ«Мертваго дома». Особенно запомнила она разбойника Орлова, никогда не обижавшаго бѣдняковъ, пѣвца, устраивавшаго тюремный хоръ. Въ разсказѣ дѣтямъ Волконская подчеркиваетъ, сколько человѣчности видѣла она въ этихъ разбойникахъ, которыхъ начальники рисовали ей дикими звѣрями. По праздникамъ она собирала деревенскихъ дѣтей, занимала ихъ, даже увлекала разсказами изъ священной исторіи.

Передъ тѣмъ, кто любитъ задумываться надъ вопросомъ о женскомъ творчествѣ, его характерѣ и свойствахъ, долженъ возникнуть образъ княгини Волконской, чей «высокій станъ вставалъ, какъ высокая мысль», чьи духовныя силы сумѣли создавать себѣ новый міръ отношеній и дѣятельности. Обреченныхъ на гибель въ полномъ забвеніи она вновь связывала съ міромъ живыхъ—и укрѣпляла въ сознаніи и отношеніяхъ людей то, что было намѣчено въ политическомъ движеніи (хотя на словахъ она какъ будто считала его преждевременнымъ).

Повторяю, «Записки» Волконской изданы очень хорошо, и читающая публика тотчасъ оцѣнила ихъ; но сама мемуаристка все еще остается «женой» декабриста; между тѣмъ такая личность и

сама по себѣ должна считаться выдающейся представительницей своего времени, какъ и большинство ея подругъ по несчастью. Всестороннее освѣщеніе этой группы женщинъ очень бы выиграло, если бы изслѣдовать ихъ психологію въ связи съ общей эволюціей женской личности въ Россіи и съ зарожденіемъ женскаго движенія на Западѣ.

Теперь слѣдовало бы поговорить о письмахъ сестеръ Бакунинныхъ, которыя уже нѣсколько лѣтъ печатаются въ «Русской Мысли» въ статьяхъ А. Корнилова «Семейство Бакунинныхъ», но, къ сожалѣнію, изданіе еще далеко не кончено; въ виду важности этихъ писемъ для исторіи русскаго общества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ я позволю себѣ все-таки привести изъ нихъ нѣкоторые отрывки.

Подъ вліяніемъ брата Михаила Бакунина, яраго гегельянца, друга Бѣлинскаго и Станкевича, четыре сестры прониклись возвышающими личность человѣка нравственными принципами нѣмецкой философіи, сознательно освѣщая и укрѣпляя ими свою глубокую религіозность. Атмосфера утонченной духовности сообщала особую притягательную силу ихъ обществу; сестрами увлекались всѣ друзья брата, начиная съ Бѣлинскаго. У Бакунинныхъ уже началась борьба со старыми порядками семейной жизни, съ устарѣвшими взглядами на женщину.

«Я предвижу,—пишетъ старшая сестра въ 1833 году:—что намъ придется много бороться. Мнѣнія нашихъ родителей часто расходятся съ нашими. Мы должны взаимно поддерживать другъ друга въ этомъ столкновеніи нашихъ взглядовъ, нашей религіи съ родительской властью».

Единственная замужняя сестра очень тяготится своимъ положеніемъ. «Я не могу принять мнѣнія, которое предписываетъ женѣ жертвовать для счастья мужа и своими вкусами, и своими взглядами, и всѣмъ, что есть ея нравственная жизнь и ея физическое существованіе. Это мнѣніе слишкомъ противорѣчитъ моимъ принципамъ и самой религіи, какъ я ее понимаю».

Когда Бѣлинскій возмущался, зачѣмъ сестры не довольствуются жизнью чувствомъ, а жаждутъ знанія, работы мысли, одна изъ Бакунинныхъ писала ему: «Душно, тяжело стало мнѣ, когда я прочла границы, опредѣленія, въ которыя вы заключаете женщины. Развѣ мы не свободныя существа, развѣ мы не достойны къ соединенію, слитію съ вѣчнымъ духомъ, развѣ мы должны умирать, страдать всю жизнь нашу?..» Среди доброродныхъ семей, чью мирную жизнь «по хорошему и по дѣлу» красиво описывала Е. Сабанѣева, уже въ тридцатыхъ годахъ зарождается протестъ личности противъ гнета бытовыхъ условій и привычекъ, намѣчался новый типъ женщинъ «молодой Россіи». И не романы Ж. Зандъ породили этотъ духъ, а болѣе сложныя причины, коренившіяся въ глубинахъ самого русскаго общества.

Два дневника съ конца сороковыхъ годовъ до средины пятидесятыхъ принадлежатъ прозелиткамъ политической и литературной группы славянофиловъ. Обѣ мемуаристки очень любопытны, какъ живыя свидѣтельства того, какъ политическіе споры будили умы и пріучали интересоваться общественными и политическими вопросами, и въ частности—какія настроенія національная исключительность славянофильства порождала въ душахъ новичковъ, не подготовленныхъ къ самостоятельной умственной жизни послѣдователей ихъ ученія.

«Дневникъ» [1]) Поповой занимаетъ особое мѣсто въ мемуарной литературѣ уже по низкому положенію автора на соціальной лѣстницѣ. Елизавета Ивановна Попова (род. въ концѣ XVIII в., ум. 1876 г.) одинокая дѣвица лѣтъ пятидесяти, дочь купца-книгопродавца Попова, главы фирмы Люби, Гарихъ и Поповъ, арендовавшей типографію московскаго университета послѣ Новикова. Она—бѣдная разночинка, существовавшая на сто съ небольшимъ рублей годового дохода, немного прирабатывая уроками. Съ матерью она живала въ семьяхъ Юшковыхъ и Елагиныхъ; но всегда самолюбиво охраняла свою независимость, отгораживаясь отъ всякаго намека на положеніе приживалки. При отцѣ и среди просвѣщенной родни Жуковскаго она пріобрѣла нѣкоторую начитанность, литературный вкусъ, научилась хорошо владѣть русскою рѣчью. Она любила людей, горѣла желаніемъ быть полезной и обладала громаднымъ знакомствомъ; она знала всю литературную Москву и значительную часть обывательской. «Дневникъ» свой она вела исключительно для себя, записывала, что «душу волнуетъ и сердце живитъ», и потому сообщаетъ читателю только то изъ наблюденій и новостей текущей жизни, что лично задѣвало или занимало ее самое. Болѣе интересна и цѣнна первая половина дневника за 1847—49 гг., когда Попова жила интересами литературныхъ друзей, гоненіями на славянофиловъ, «истинныхъ сыновъ отечества». Съ 1849 года она постепенно погружается въ интимныя заботы о судьбѣ родныхъ и близкихъ друзей.

Начало дневника застаетъ Попову страстной прозелиткой славянофильства, безутѣшной послѣ ранней кончины дѣятельнаго патріота Валуева, своего божка, который оживилъ ея одинокое существованіе, давъ работу въ своихъ изданіяхъ, еще подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ недавней смерти поэта Языкова. Она вся горитъ заботой о близкихъ сердцу людяхъ, о патріотахъ отечеству, обо всемъ, что, по ея мнѣнію, важно для родины и ея славы. Она пишетъ пламенныя письма братьямъ Языкова, чтобы побудить ихъ къ изданію того, что задумано покойнымъ, и, какъ истая москвичка старыхъ временъ, ссылается на пророческіе сны и таин-

[1]) «Дневникъ Елизаветы Ивановны Поповой». Книгоизд. «Огни» 1911 г.

ственныя указанія иного міра. Ее тревожитъ участь В. Панова, друга Валуева, семисотлѣтній юбилей Москвы, арестъ диссертаціи К. С. Аксакова (при этомъ извѣстіи она шатается отъ волненія и негодованія, и ее уводятъ подъ руку).

Его диспутъ она буквально переживаетъ съ необыкновенной остротой ощущеній. Съ трепетомъ шла она поздравлять Аксаковыхъ, но самъ «Константинъ Великій вошелъ со свѣтлымъ и спокойнымъ лицомъ», и страстная прозелитка благоговѣйно и радостно созерцала пророка славянофильства. Въ его матери она видѣла римлянку, готовую на всѣ жертвы отечеству.

Одинокая женщина, по своему времени развитая, крѣпко замкнулась въ кругъ славянофильскаго патріотизма; здѣсь въ годы дневника весь ея міръ, ея религія, ея семья. Рѣзки и послѣдствія узкаго прозелитизма: добрѣйшая, сердечнѣйшая женщина именуетъ Петербургъ проклятымъ, а нѣмцевъ объявляетъ чѣмъ-то въ родѣ собакъ, особенно презирая ихъ подлѣйшую половину—нѣмокъ. Сообразно съ этимъ Западъ для нея не существуетъ; въ ея записяхъ нѣтъ и намека на событія 1848—49 гг., какъ будто она ничего не слыхала о нихъ.

Вращаясь среди московскихъ литераторовъ и барскихъ гостиныхъ, Елизавета Ивановна иной разъ не стѣснялась проявлять свою прямоту до рѣзкости, даже дерзости. Западнику Грановскому она крикнула «дуракъ» чуть не въ лицо. Любопытная черта нашего общества старыхъ временъ: среди чопорности, манерности, сословнаго чванства смѣлая дерзость легко могла разсчитывать на успѣхъ. Купечество и мѣщанство выслушивали все, что угодно отъ блаженныхъ и юродивыхъ; въ высшемъ слоѣ цѣнили дворянскую смѣлость и эксцентричность; на нихъ устанавливалась слава дамъ, въ родѣ М. Д. Офросимовой, дѣвицы въ родѣ «стрѣлы-барышни» изъ записокъ Свербеева.

Удивительно добрая, Попова вся жила для другихъ, всѣмъ всюду помогала, хлопотала о нуждающихся, ухитрялась раздавать ничтожныя средства, которыя имѣла; у состоятельныхъ людей она ухаживала за больными, утѣшала страдающихъ. Но самолюбивыя сомнѣнія, наличные и ожидаемые уколы волновали старую дѣвицу; вся ея душа неслась навстрѣчу интеллигентнымъ людямъ, которыхъ она почитала. Въ общемъ въ литературномъ кругу къ ней относились съ уваженіемъ и вниманіемъ; Пановы, Свербеевы, Мойеръ, ихъ родня и друзья, младшіе члены семей Елагиныхъ и прочей родни Жуковскаго навѣщали ее. Попова вела большую переписку; но она всегда боялась, отвѣтятъ ли ей, маленькому человѣку, дружескимъ словомъ на ея сердечный порывъ, не останется ли безъ пожатія ея протянутая рука. И тутъ ей досаждали женщины, эти хранительницы семейныхъ связей и обывательскихъ привычекъ, эти власти гостиныхъ. Елизавета Ивановна

часто рѣзко отзывалась о нихъ: женщины фальшивы, мелочны и пусты; доставалось даже А. П. Елагиной и А. Кирѣевской. Видно, немало кололи ее, зачѣмъ со своими заботами о близкихъ сердцу врывается въ чужіе родственные круги, въ судьбы не родныхъ ей лицъ. Одну красавицу Е. А. Свербееву ставила она очень высоко и поклонялась ей до обожанія. Не хотѣла она замѣчать сильнаго вліянія женщинъ въ литературномъ кругѣ, того, что изданіе для юношества, къ которому приспособилъ ее Валуевъ, было имъ основано подъ вліяніемъ писательницы А. Зонтагъ.

Наблюденія и свидѣтельства Поповой касаются только внутренняго быта московскаго общества сороковыхъ годовъ, сообщаютъ черты и краски для дополненія біографій извѣстныхъ лицъ ея круга. Въ дневникѣ не найдемъ извѣстій о крупныхъ историческихъ событіяхъ, ни яркихъ характеристикъ, но онъ хорошо написанъ, дышитъ правдивой искренностью и читается съ интересомъ. Онъ очень выигрываетъ въ пріятномъ для любителя книги изданіи, внимательномъ, любовномъ, съ прекраснымъ введеніемъ [1]) кн. Н. Голицына.

Далеко не такъ удачно изданіе «Дневника» [1]) Вѣры Сергѣевны Аксаковой (род. 1819 г., ум. 1864 г.), особенно въ виду исторической цѣнности его содержанія. Предисловіе къ нему кратко, скомкано и очень мало даетъ. Приложенный отрывокъ изъ воспоминаній племянницы автора слишкомъ усердно увѣряетъ, что старики одинаково относились къ своимъ дѣтямъ, чего нельзя заключить ни изъ самого дневника, ни изъ другихъ свидѣтельствъ. Дневникъ съ перерывомъ недѣль на пять велся всего въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ, съ 14-го ноября 1854 г. по 16-е октября 1855 г., немного не совпадая съ одиннадцатимѣсячной осадой Севастополя. Появленіе его вызвано внутренней потребностью взволнованной патріотки въ сознательномъ переживаніи несчастій родины, отчасти, можетъ быть, и вліяніемъ политическихъ писемъ Погодина, въ свою очередь, вызванныхъ горячими письмами къ нему гр. А. Блудовой.

Дневникъ сразу вводитъ читателя въ одну изъ главныхъ лабораторій политической и литературной мысли Россіи того времени. Въ великолѣпномъ Абрамцевѣ, близъ древнихъ храмовъ Хотькова и Троицкой лавры, среди чуднаго подмосковнаго пейзажа съ трепетомъ и волненіемъ переживаютъ члены славянофильской семьи событія восточной войны; произносятъ приговоры надъ измѣнившими народу правящими лицами тономъ безхитростно-вѣрующаго древняго лѣтописца; негодуютъ на молчаливую приниженность запуганнаго общества; въ это же время они съ любовью гото-

---

[1]) «Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой». Книгоизд. «Огни» 1913 г. Неполно въ «Минувшихъ Годахъ» 1908 г.

вятся къ празднованію столѣтія московскаго университета; собираютъ и пересматриваютъ труды и біографическій матеріалъ недавно умершаго Гоголя и вспоминаютъ эту сложную, удивительную натуру «святого человѣка» съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ какимъ черезъ тридцать лѣтъ слѣдующее поколѣніе людей ихъ толка говорило о Достоевскомъ; а самъ отецъ, вдохновляемый напряженной работой мысли молодежи, заканчиваетъ свою знаменитую «Семейную хронику». Изъ обѣихъ столицъ извѣстные и неизвѣстные современники пріѣзжаютъ провѣрять среди уважаемой семьи свои мнѣнія и впечатлѣнія, сообщаютъ, какъ Ю. Самаринъ, свои программы реформъ. «Намъ нужно вернуться въ Москву,—говорило одно изъ второстепенныхъ лицъ женскаго персонала дома:—а то мы слишкомъ занимаемъ своимъ картиннымъ удаленіемъ».

Но изъ кого состоитъ знаменитая семья? Вѣра Сергѣевна всегда говоритъ: «мы, мы читали, мы говорили, мы ждали». Повидимому, эти «мы»—всего трое: пророкъ дома—Константинъ Великій, его ближайшая ученица и послѣдовательница—старшая сестра Вѣра, и отецъ, обожаемый сыномъ, но человѣкъ совершенно иного склада; прочіе члены семьи только вращались вокругъ этого центра, пріобщались къ нему. Между развитіемъ Вѣры Сергѣевны, подруги дѣтства Константина, и другихъ сестеръ большая разница. На диспутѣ брата одна изъ младшихъ сестеръ удивила Е. И. Попову своей наивной увѣренностью, что брату предстоитъ только прочесть что-нибудь изъ своей книги, такъ слабо касалась ее умственная жизнь старшихъ. Большія дарованія, напряженная работа надъ основными положеніями ученія на высотахъ философской мысли, нравственныя силы брата подчиняли семейныхъ его авторитету, добровольно и поневолѣ, сознательно и безсознательно. Не безъ его вліянія проскользнуло, какъ темный мазокъ на свѣтломъ фонѣ смиренія и почтенія къ мнѣнію массъ, наивно самоувѣренное утвержденіе сестры: «жизнь для насъ всѣхъ имѣетъ строгое, важное значеніе; всѣмъ намъ она является, какъ трудный подвигъ»... Ни одна наша мемуаристка не покушалась на подобное заявленіе, даже если жизнь ея была подвигомъ. Нужна большая увѣренность въ исключительной важности своей позиціи и святости своихъ доктринъ, чтобы сказать эти слова въ пору народной тяготы.

Сама мемуаристка, «моя умница—Вѣра», по нѣжному отзыву отца, отличалась выдающимся развитіемъ для женщины того времени и серьезнымъ направленіемъ ума; пылкая, увлекающаяся до экзальтаціи, она имѣла склонность къ мистицизму, даже философіи; внутренне «горѣла вѣрой и любовью къ Богу», что сильно отразилось въ дневникѣ. Она увлекалась доктринами брата и Хомякова до крайности, до презрительнаго отношенія къ другимъ мнѣ-

ніямъ; въ своемъ увлеченіи она мало цѣнила здравыя, мѣткія сужденія отца, при всей любви къ нему.

Тихое общеніе семьи нарушалось появленіемъ въ домѣ брата Ивана Сергѣевича, хотя онъ въ основѣ и раздѣлялъ убѣжденія старшаго. Но звуки его голоса съ выраженіемъ его личныхъ мнѣній уже тревожили сестру: «какъ бы чего не вышло?» Константинъ очень добръ къ брату, оживленно бесѣдуетъ, но сестра боится за его спокойствіе; дивится, какъ можетъ Иванъ слегка выговаривать ему, зачѣмъ онъ осуждаетъ всякаго, кто хвалитъ Петербургъ, напоминаетъ, что въ Россіи массы людей не знаютъ ни московской, ни петербургской культуры, а мечутся въ поискахъ какого-нибудь просвѣта; что прежде всего нужно подумать, какъ вывести ихъ изъ тьмы. Оба старшіе видятъ въ его сужденіяхъ много легкомыслія; «и для него, и для насъ лучше быть врозь», пишетъ сестра.

О западникахъ, съ которыми Константинъ и, особенно, отецъ все-таки встрѣчались и бесѣдовали, Вѣра Сергѣевна не говоритъ. Тургеневъ съ перваго взгляда внушилъ ей отвращеніе; это безнравственный человѣкъ, живущій земными ощущеніями, совершенно не понимая духовной стороны предметовъ, рѣшила она, и не интересуется его мнѣніями, даже, когда самъ Константинъ къ нимъ прислушивается. «Говорятъ, Тургеневъ говорилъ очень умно», кратко замѣчаетъ она, переходя къ пересказу своей бесѣды съ Хомяковымъ.

Послѣ кончины императора Николая I характеръ записей въ дневникѣ нѣсколько измѣняется. На первыхъ семидесяти страницахъ выдвигаются роль и вліяніе семьи, вниманіе общества къ Аксаковымъ, ихъ дѣятельность; послѣ великаго событія Вѣра Сергѣевна погружается въ подробный анализъ политическихъ событій, положенія европейскихъ государствъ, внутренняго движенія въ Россіи, народныхъ толковъ, слуховъ и дѣлаетъ это съ увлеченіемъ и вдумчиво, давая большой матеріалъ для изученія эпохи. Одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ—это ея грустное раздумье, почему ни Погодинъ, уже извѣстный двору, ни Константинъ не поѣхали въ Петербургъ, чтобы высказать правительству свои мнѣнія о нуждахъ Россіи. Первый подчинился своимъ мистическимъ наитіямъ, которыя въ это смутное время толкнули его къ занятію лѣтописями; Константинъ же не ѣдетъ—самъ не знаетъ почему. «Если бы мы были въ Москвѣ, мы непремѣнно уговорили бы ихъ съѣздить»... Кто «мы» въ данномъ случаѣ—непонятно; можетъ быть, женская половина семьи. Но видно, не легко кабинетнымъ ученымъ лично вмѣшиваться въ реальную политику, когда громко звучалъ «шагъ исторіи», какъ раньше иронизировалъ К. Аксаковъ. Только его записки и адресъ Хомякова читались и комментировались въ петербургскихъ сферахъ.

Соотношеніе силъ въ семьѣ немного заколебалось; вліяніе брата на время потускнѣло, сестра же какъ бы выросла и стала самостоятельнѣй среди броженія. Константинъ переживалъ и испытывалъ то же недоумѣніе и смятеніе, какъ и другіе, предавался мистическимъ настроеніямъ среди ожиданій и догадокъ. «Мира не будетъ: если онъ (Александръ II) согласится, то *судьба* его отстранитъ. Какимъ образомъ, я не знаю, но это такъ будетъ». Сестра только подчеркиваетъ курсивомъ слово *судьба* и не высказывается относительно этой темной фразы. Видно, Хомяковъ былъ правъ, говоря, что Николай I умеръ слишкомъ рано для славянофиловъ; эта смерть застала ихъ врасплохъ, не подготовленными къ крутому соціально-психологическому кризису.

А Вѣра Сергѣевна, жившая чувствомъ и вѣрой, вся горѣла волненіемъ, мысли ея развивались живѣй, шире; она возбуждала даже неудовольствіе близкихъ своимъ безотрадно-мрачнымъ взглядомъ на положеніе Россіи, которое теперь, по ея мнѣнію, можетъ измѣнить одно тяжелое внутреннее потрясеніе. Свой оскорбленный патріотизмъ она старалась успокоить доводами, что Франція и Англія пострадали больше Россіи и приходятъ въ упадокъ и внутреннее разложеніе. Дневникъ прерывается вскорѣ послѣ переѣзда въ Москву.

Изданіе Н. П. Вишнякова «Свѣдѣнія о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ» въ трехъ выпускахъ закончено въ 1913 году объемистой книгой «Анна Ивановна Волкова (урожденная Вишнякова). Воспоминанія, дневникъ и статьи», подъ редакціей Вѣтринскаго (Чешихина), съ интереснымъ біографическимъ очеркомъ. Семейная хроника купеческаго рода—явленіе не совсѣмъ обычное въ нашей мемуарной литературѣ. Вишняковъ исполнилъ свою задачу очень тщательно, съ любовью, далъ довольно яркую картину жизни хорошей московской купеческой семьи первой половины XIX в., съ нѣкоторыми новыми чертами для характеристики ея среды сравнительно съ нашимъ обычнымъ представленіемъ о герояхъ Островскаго. Всѣ члены семьи носили европейское платье, женщины слѣдили за модами; одна сестра дѣда, по мужу Алексѣева, прабабка артиста Станиславскаго, носила платокъ-модочку. Съ двадцатыхъ годовъ женщины являлись культурнымъ элементомъ въ семьѣ. Еще бабка увлекалась карамзинской литературой и даже стараго мужа пріучала переписывать поэмы и стихи, играла на клавикордахъ, но въ этомъ и заключалась вся культура до шестидесятыхъ годовъ. Общественной жизни въ этой средѣ не существовало, общественныхъ вопросовъ боялись, какъ огня. Рѣдко, рѣдко кто-нибудь сообщитъ новость изъ газеты. «Подальше то здоровѣе... А все-то у насъ благополучно»—было общимъ убѣжденіемъ.

Къ рукописнымъ матеріаламъ Волковой родня и редакторъ отнеслись очень разборчиво, издали, повидимому, немногіе отрывки изъ раннихъ воспоминаній и очень немногое изъ дневниковъ, особенно за послѣднее десятилѣтіе ея жизни, отъ студенческаго движенія 1899 г., за годы стачекъ, забастовокъ, событій 1905 г.—1906 г. По словамъ редактора, эти матеріалы не имѣютъ значенія свидѣтельства очевидца, а съ другой стороны еще не настало время для исторіи грознаго десятилѣтія.

Анна Ивановна родилась въ 1847 году и пережила на себѣ всю громадную эволюцію культуры московскаго купечества во второй половинѣ прошлаго вѣка. Лучшія воспоминанія ея дѣтства—мать, хорошенькая, изящная женщина, увлекавшаяся литературой сороковыхъ годовъ, оперой, театромъ, но она рано умерла, оставивъ бойкой шаловливой дѣвочкѣ свою живость ума, впечатлительность, страсть къ чтенію. Отецъ былъ человѣкъ неумный, некультурный и несдержанный; онъ билъ и сѣкъ дѣтей, особенно дочь; онъ любилъ нескладныя, безсмысленныя шутки, издѣвательство надъ низшими.

Поучившись немного въ пансіонѣ, Анна Ивановна вышла изъ него со страстью къ чтенію и литературнымъ упражненіямъ, сама научилась хорошо писать. Ея первыя воспоминанія обработаны ею (вѣроятно, позже) отрывками въ родѣ стихотвореній въ прозѣ, напоминающихъ по слогу модернистовъ. Въ 1863 г. ее показывали жениху, и тутъ мы возвращаемся въ XVIII в., къ временамъ женитьбы Болотова. Произошла выводка лошади; оказалась по статьямъ годной,—пишетъ Волкова.—Для формы спросили дѣвушку; она отвѣтила, что женихъ нравится, такъ какъ жаждала спастись отъ сѣченія, оскорбленій и мачехи. Вотъ маленькій отрывокъ воспоминаній: «Въ домѣ суета. Въ комнатахъ сундуки, стулья, диваны покрыты платьями, мѣхами. Шелкъ, бархатъ, кружева. Розовыя, голубыя ленты тянутся по полу; братъ, невѣста, подруги завязываютъ лентами бѣлье; кладутъ по старинному повѣрью въ сундуки рубли и крендели. Все готово. «Въ ноги кланяйся отцу, благодари!» шепчетъ мачеха. «Въ ноги, въ ноги», вторитъ мачехи родня. «Нѣтъ», невѣста со слезами говоритъ. «Книгъ начиталась, гордыня», отецъ сурово дочери сказалъ. Брань, упреки полились. Плачетъ невѣста. Мачеха злобно на дѣвушку смотритъ».

О послѣдующихъ годахъ узнаемъ изъ позднѣйшихъ воспоминаній. Анна Ивановна пыталась наивно-искренно сблизиться душевно съ мужемъ, но съ бранью высмѣивалась. До тридцати лѣтъ тянулись годы безпрерывныхъ болѣзней, тяжелаго материнства, физическихъ и нравственныхъ страданій, постояннаго мучительнаго недоумѣнія—что такое жизнь? Можно ли такъ жить? Какъ воспитывать дѣтей среди возмутительныхъ противорѣчій? Дома не съ кѣмъ было совѣтоваться; ближайшее лицо—мужъ—корень

всѣхъ противорѣчій. У Анны Ивановны хватило силы воли выйти побѣдительницей изъ испытанія; хотя съ болѣзнью сердца и разбитыми нервами, она отвоевала себѣ особую самостоятельную жизнь. Пройдя сквозь личную драму, она выросла въ «новую женщину», по модному термину нашихъ дней. Эта драма натолкнула ее на размышленія о зависимости женщинъ, побудила зачитываться Миллемъ, обширной литературой по женскому вопросу и сдѣлала ее страстной феминисткой. Другимъ острымъ для нея вопросомъ было воспитаніе.

Женскому вопросу она посвятила свои первые литературные опыты. Съ 1883 г. Анна Ивановна—фактическій редакторъ-издатель хорошаго, дѣльнаго для своего времени ежемѣсячника «Другъ женщинъ» (сентиментальное заглавіе изобрѣла первая издательница). Благодаря энергіи и любви къ дѣлу, она привлекла къ нему выдающіяся литературныя силы: Гольцева, Златовратскаго, Дмитріеву, Горбунову и друг. и оставила во всѣхъ сотрудникахъ добрыя воспоминанія. Журналъ имѣлъ большой моральный успѣхъ. Но небольшія тогда личныя средства Волковой не выдержали перерасходовъ, и она въ 1885 г. прекратила изданіе.

Лишенная постоянной напряженной заботы, Анна Ивановна взялась за дневникъ, но вела его съ большими перерывами; писала для себя, небрежно, тяжелымъ книжнымъ слогомъ, и въ общемъ дневникъ, вѣрнѣе то, что изъ него напечатано, не увлекаетъ въ чтеніи. Кромѣ тоски душевно одинокой женщины, grübelein, личныхъ обидъ и горести, въ немъ много размышленій о статьяхъ и газетныхъ извѣстіяхъ; честныхъ, трогательно-либеральныхъ разсужденій, но нѣтъ яркихъ наблюденій. Можно подумать, что у Волковой не было настоящей искры для такихъ работъ. «Откуда же черпать идеальные примѣры, какъ не изъ книгъ?» пишетъ она, изрѣдка возвращаясь къ излюбленному идеалу своей юности, къ маркизу Поза. Въ психологіи Анны Ивановны ярко сказывалось свойственной пореформенному московскому купечеству ея времени тяготѣніе къ интеллигенціи, къ кружкамъ художниковъ и писателей. Иной разъ она безъ критики руководится сомнительными авторитетами, въ родѣ Скабичевскаго, увлекается общими мѣстами журналистики восьмидесятыхъ годовъ. Но при всемъ уваженіи къ интеллигенціи Волкова смѣлая и горячая патріотка Замоскворѣчья и Китай-города, защитница огромнаго общественнаго значенія купеческаго класса; она очень не одобряетъ Боборыкина за односторонность его типовъ и разражается негодованіемъ на грубый сатирическій выпадъ какого-то критика («Коленкоровая литература») по поводу литературныхъ опытовъ одного изъ Морозовыхъ.

Мѣстами въ дневникѣ мелькаютъ интересныя замѣтки о подробностяхъ обывательской жизни, о сношеніяхъ съ полиціей и заку-

лѣсной борьбѣ съ ея мѣрами, о купеческихъ правахъ конца XIX в., когда еще случалось, что дочерей учили напоказъ, чтобы захватить непремѣнно образованнаго жениха, о молодыхъ самодурахъ, которые наказывали женъ, не выходившихъ изъ синяковъ. Нерѣдко Волкова скорбитъ о маломъ развитіи женщинъ ея среды, неспособныхъ понимать требованія современнаго воспитанія. Очень волнуетъ ее жалкая участь дѣтей низшаго класса, особенно жертвъ ремесленнаго ученичества; и подъ старость она мечтаетъ о журналѣ «Другъ Дѣтей».

Съ половины девятидесятыхъ годовъ ее занимаютъ стачки и забастовки—«великое пробужденіе рабочихъ». Въ эту пору мужа Волковой разбилъ параличъ, и она сдѣлалась *самой* въ домѣ и дѣлѣ, старшей представительницей банкирской фирмы. Она говорила о стачкахъ, по свидѣтельству біографа, какъ человѣкъ, органически связанный съ промышленнымъ міромъ; самый интересъ промышленности,—пишетъ она,—требуетъ духовнаго и матеріальнаго подъема рабочихъ, и это надо сознать какъ можно скорѣй,—но тутъ многоточіе и большой пропускъ текста. Также прерываются и извѣстія о движеніи студентовъ въ 1899 г., едва Волкова начала разсказывать, какъ быстро, на пространствѣ 2—3 дней на ея глазахъ мѣнялись физіономіи начальниковъ и нѣкоторыхъ профессоровъ.

И все-таки не яркій, съ большими пропусками дневникъ рисуетъ Волкову очень цѣльнымъ человѣкомъ, съ довольно сложной психологіей, съ чуткой совѣстью и пытливымъ умомъ, съ горячей преданностью міру общественныхъ и нравственныхъ интересовъ. Но не въ немъ ея сила, а вотъ въ чемъ: къ книгѣ приложенъ библіографическій указатель ея трудовъ на двадцати трехъ страницахъ. Оказывается, что банкирша была цѣнной сотрудницей маленькихъ журнальчиковъ идейнаго направленія, издающихся безъ капитала, кустарнымъ способомъ, въ родѣ «Ремесленной Газеты», «Для народнаго учителя , «Женскій Вѣстникъ» и мн. друг. Ея статьи помѣщали и «Русскія Вѣдомости» и солидный «Вѣстникъ Воспитанія», но Волкова была скромна, стѣснялась недостатковъ своего образованія,—не искала лестнаго общенія со знаменитостями большихъ редакцій и шла своей маленькой тропочкой. Она написала 486 статей и статеекъ, причемъ подъ однимъ заглавіемъ попадаются очередные обзоры въ двѣнадцати нумерахъ журнала. Даже въ такіе годы, какъ 1900, когда за болѣзнью мужа у нея было столько дѣла, что она дивилась крѣпости своихъ больныхъ плечъ, она написала 55 статей. Послѣднія работки печатались, когда она умирала отъ мучительной болѣзни сердца въ концѣ 1910 года.

Такъ думали и дѣйствовали на протяженіи почти двухъ столѣтій наши мемуаристки, болѣе и менѣе выдающіяся представи-

тельницы того или другого умственнаго теченія своего времени. Мемуаристки XVIII вѣка руководились религіознымъ чувствомъ, безропотно несли принятый на себя или навязанный другими долгъ; но Лабзина въ началѣ XIX вѣка выступила уже вліятельнымъ дѣятелемъ среди своего круга. Женщины слѣдующаго поколѣнія выдѣляютъ уже борцовъ за права личности, за свободу и даже за права женщинъ свободно пользоваться своими духовными силами.

Обѣ славянофилки своимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ напоминаютъ женщинъ старыхъ временъ, но горячимъ интересомъ къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, а В. Аксакова и пытливой работой ума, умѣньемъ разбираться въ сложныхъ и запутанныхъ событіяхъ современности и онѣ стояли на высотѣ интеллектуальной жизни эпохи. Послѣдняя мемуаристка—Волкова—любопытная представительница новѣйшаго феминизма, и оставленные ею матеріалы въ цѣломъ сдѣлаются достояніемъ будущихъ историковъ русскаго общества на рубежѣ двухъ столѣтій.

Е. Щепкина.